

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕБ-СТРАНИЦА

ЗЫБИНКА

Выпуск №3
04.07.2021 г.

Павел ПРАГИН

ЗАПОМНИ!
Для тебя я останусь таким
(как удобней запомнить,
конечно) –
рваной строчкою – вектором
в вечность,
где рука – продолженье
строки;
единицей (но всё же другой),
из неё всякий умник упорно
извлекает квадратные корни
в виде нервов, надежд и
долгов.
Когда ж сердце своё отпоёт –
вот тогда и припомнится
теми ж,
возведённое в энную степень
безымянное имя моё.

Надежда ЩИПАКИНА

Я И ТЫ
Вечер тих и светел.
Над крышей тёплый дым.
Есть я на белом свете
И ты –
Две радости, две боли.
И лето частых гроз.
И две тропинки в поле,
Не вместе и не врозь.

Мария МУХИНА

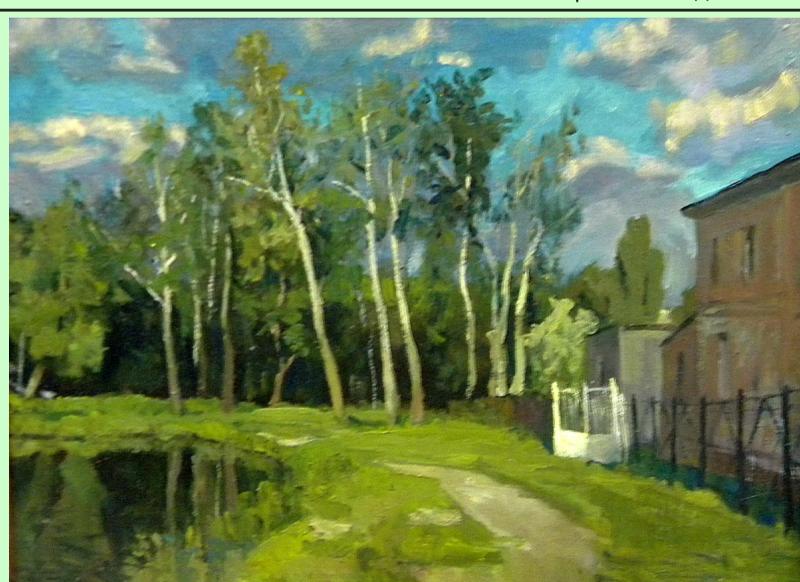
МУЗЕ
Не тревожь моё сердце
молчанием
И забудь мои слезы и сны.
Я утешу себя на прощанье
Ожиданием новой весны.
Каждый день приклоняю
колени
Перед тем, кто мне Бог и
судья,
Как обычно гоню все
сомненья.
Не молчи, умоляю тебя!

Давным-давно, когда в Риге только люди старшего поколения видели эту самую заграницу, а у некоторых жителей, стремящихся эмигрировать, еще даже не было приглашения, Сема Гланц, скромный закройщик одного из многочисленных рижских ателье индошина «Майга», сел однажды утром и написал сразу два заявления: первое — в партком с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии Советского Союза, а второе — в дирекцию с просьбой уволить его с работы в связи с отъездом на постоянное место жительства в Израиль.

— Ты что, Сема, с ума сошел? — спросила его жена, имея в виду его первое заявление.
— Нет, пусть мне объяснят! — упрямо ответил Сема, и жена отошла, безнадежно махнув рукой, так как знала, что если уж Сема хотел, чтобы ему что-нибудь объяснили в этой стране, то он обычно шел до конца, то есть аж до тех пор, пока ему, наконец, действительно не объясняли, после чего он на некоторое время успокаивался, лечился...

Собрание, на котором клеймили Сему, было обычным. Сначала его долго обзывали крысой, бегущей с тонущего корабля. Но потом представитель райкома товарищ Ширинкин сказал, что про тонущий корабль — это, пожалуй, слишком. И в протоколе записали, что Сема бежит как крыса с нашего быстроходного социалистического лайнера.

Потом выступал ветеран ВОХРа товарищ Шварц, о котором в городе ходили слухи, что в свое время он был единственным участником высылки зажиточных латвийских евреев не с той стороны, и еще говорили о том, что в 1929-м его родители уезжали на жительство в Палестину и на него тоже был куплен билет, но он, как активный член латвийского отделения еврейского движения «Бейтар», спрятался, чтобы не подводить своих товарищей и не оголять организацию.

У ОЗЕРА. Художник **Василий МИЩЕНКО**

Александр ЕРМОЧЕНКО

* * *

Кричала утренняя рань,
Гремя весенними басами;

Сводя незыблемую грань
Между землей и небесами.
Являя свету чудеса --
Природы непонятной силу...
Сияла юная краса,
Подобно яркому светилу.

Яков РАСКИН ОТЪЕЗД ЗА ГРАНИЦУ

Впрочем, его выступление Сема почти не слушал. Но когда поднялся секретарь партийной ячейки старший закройщик Кац и заявил, что перед отъездом Сема просит принять его в партию, из чего следует, что их бывший товарищ не только негодяй, но и сумасшедший, Сема не выдержал и начал выяснять интересующий его момент:

— А почему, собственно, нет? — спросил он. — Нет, вы мне всё-таки объясните!

Партия у нас какая, интернациональная?

— Ну... — подтвердил товарищ Ширинкин.

— Так почему же тогда здесь я могу бороться за ее идеалы, а в Израиле уже нет? Я, между прочим, всегда сочувствовал большевикам, а сейчас так просто глубоко сочувствую!

— Издеваетесь? — поинтересовался товарищ Ширинкин.

— Ну почему же? — искренне огорчился Сема. — Скажу вам больше! Здесь, в Латвии, нас, большевиков, пока еще, слава богу, никто не притесняет. А там я буду, так сказать, на переднем крае борьбы. Так что туда вы, по-моему, вообще должны посыпать лучших из лучших.

— Та-ак... — сказал секретарь партийной ячейки Кац. — Интересно... Но тогда почему же ты думаешь, Сема, что это должен быть именно ты? В таком случае среди нас есть и более достойные кандидатуры. Про себя я уже молчу, но вот, например, товарищ Шварц. Человек столько сделал для нашей сегодняшней счастливой жизни! Так пусть он хоть пару лет в Израиле поживет по-человечески.

— Товарищи! — засуетился Шварц. — В 1929-м мои родители уезжали на жительство в Палестину, и на меня уже был куплен билет...

— Да слышали мы! — закричали из зала.

— Слышали! Не хочешь ехать — не надо!

— Нет, вы меня не поняли, — не унимался Шварц, — наоборот! Я хочу спросить: как вы думаете, если я сейчас приду и скажу, что я просто опоздал на поезд?

— Ишь какой хитрый! — закричали из зала.

— Тут, между прочим, многие хотели бы пожить на переднем крае.

— Спокойно, товарищи! — сказал секретарь Кац. — Сейчас мы составим список. А, товарищ Ширинкин?

Кац повернул голову в сторону представителя райкома:

— Или мы что-то неправильно делаем?

— Ну почему же, — задумался представитель, — почему же... Раз уж сложилось такое мнение...

И неожиданно закончил:

— Тогда уж, пожалуй, записывайте и меня. Зал зааплодировал.

— Товарищи! — вскочила председатель профкома Мошонкина. — Раз уж мы говорим о лучших, я думаю, будет неправильно, если мы не внесем в этот список секретарей нашего райкома товарищей Мурдакова и Хнуева. Это молодые, растущие парработники. Уверена, что простые израильские евреи будут нам за них очень благодарны.

— Ага! — донеслось из зала. — Сильно бы они росли, если бы их в обкоме не поддерживали.

Включили товарищ из обкома. Собрание продолжалось долго, и никого не удивило, когда в конце концов под аплодисменты участников в список отезжающих на постоянное место жительства в Израиль было внесено всё Политбюро ЦК КПСС во главе с верным продолжателем дела Ленина, руководителем нового типа товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

— Минуточку! — вспомнил вдруг кто-то. — А как же Сема? Сему-то мы и не вписали!

— А знаете что? — сказал Сема. — Я вот тут подумал... Если все эти люди уедут, то я бы, пожалуй, остался...

Вот такое собрание, говорят, было когда-то в рижском ателье «Майга». А было ли оно, спросить об этом уже некого. Потому что никого из участников этой истории в Риге давным-давно не осталось.

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ

* * *

Вот и солнце вышло,
Миру улыбнулось,
И почти не слышно
Лето к нам вернулось.
Так давайте, люди,
Повернёмся к свету
И готовы будем
К каждому рассвету.
Чтобы, их встречая,
Радоваться зорям,
Чтоб забыть печали
Дней, прожитых с горем.
Чтобы снова радость
Зазвучала в душах,
Чтоб умели малость –
Видеть мир и слушать.

Невесёлая моя долюшка
Поразвеваясь на ветрах...
Ах ты, вольная моя волюшка,
Где осталась ты и в каких
краях?
Будто не было моих долгих
лет,
В одночасье всё будто
минуло,
Верить хочется, что оставил
след,
Что судьба меня не покинула.

Страницу подготовил
Константин Попов.